Михаил КИЛЬДЯШОВ СЛОВО — РУССКАЯ

На пути к жизни вечной

Россия — страна мечтателей. В ней всё одухотворено мечтой: труд, служение, творчество. Мечта — не фантазия, не праздность, не безделье. Мечта — "половина дела, лучшая половина". Мечта — желанный образ, то, к чему стремишься, такой явственный и никогда не достижимый горизонт. Идёшь на него, одолевая преграды, покоряя вершины, обустраивая мир, и не настигаешь. А мечта всё пленительнее, всё ярче.

Если добраться до самых корней, слово "мечтать" значит "мерцать", "сверкать". Мечта — путеводная звезда и одновременно полёт к ней. Не зря в народе говорят: "человек без мечты, что птица без крыльев", "мечта — крылья, не знающие усталости".

В каждом искреннем русском слове есть это мерцание, сверкание, свечение. Русская словесность тоже рождена мечтой. Историю русской литературы от фольклора до наших дней можно написать как историю мечты, историю вдохновения, удивительных озарений и прозрений.

Русский фольклор и Русская Мечта — ровесники. Они произрастают из общего корня бытия. Фольклор соткан из природы, верований, творчества. И в мечте живут золотое солнце, серебряные ручьи, бесконечное небо, память о пращурах, преображение мира вдохновением безымянного художника, сказителя и жреца.

Музыка и танец, поэзия и лицедейство — в фольклоре всё нерасторжимо, всё переплетено. И когда каждое из искусств с веками начнёт отделяться от остальных, пойдёт своим путём, отыщет свой язык — мечта останется во всём, творец будет мечтателем, поселит мечту в ноту, жест, изваяние. Но больше всего мечты вберёт в себя литература, что сохранит крепкую связь со словом, которое было живой речью, не ведало букв, ещё не записывалось, а произносилось, пелось. Слово сохранит память о нашем естестве, о том, какими мы были, когда не стремились никому подражать.

Оттого русская литература, истосковавшись по русскому человеку, всегда возвращается к фольклору, в поисках Русской Мечты писатели и поэты пересказывают сказки, укладывают в стихотворные размеры и строфы хороводные песни, вплетают в сюжеты романов легенды и предания.

Вхождение человека в жизнь начинается с колыбельных и закличек, былин и сказок, загадок и поговорок. Через них мы оказываемся сопричастны роду, через них обретаем веру в чудо, в счастье, в бессмертие, в немеркнущую красоту. На защиту тебе всегда придёт Илья Муромец, из любых тупиков выведет путеводный клубок, Василиса Премудрая всегда поможет найти ответ.

В фольклоре мечта и быль ещё не расподобились, сказка не лжёт, не фантазирует — она ведает то, что ещё сбудется, что обязательно случится. Жизнь следует за сказкой ради того, чтобы мечта воплотилась, а после её воплощения появилась новая мечта. И эта дорога бесконечна.

Сказка являет человеку идеал. Она не воспевает лентяя и дурака. Она дарует богатство только щедрому — тому, кто не станет скверноприбытчествовать, тому, кто готов всё отдать ближнему. Сказка наделяет силой заступника, который защитит, спасёт слабого, а не пленит, не поработит. Сказка превращает в мудреца того, кто никогда не будет искушать и лукавить. В сказке мудр тот, кто на стороне справедливости.

Справедливость — главная мечта сказки. Добро и зло сталкиваются в ней, как свет и тьма. И свет неминуемо побеждает. Но сказка грезит, чтобы зла не было вовсе, грезит о мире абсолютного добра. Зло влечёт за собой все несправедливости, которые предстоит одолеть сказочному герою.

Старость и смерть — величайшее зло, величайшая несправедливость. Созреют в потаённом саду молодильные яблоки, пробьётся из-под земли неизбывным ключом живая вода, но молодость будет дарована лишь творящему благо. А злодея настигнет смерть, пусть даже он утаил её на кончике иглы.

В мечте о младости и вечной жизни сказка стремится укротить время: повернуть его вспять, замедлить или ускорить, лишить всякого исчисления, чтобы за ночь можно было возвести дивный дворец или соткать невиданной красоты ковёр. "Долго ли, коротко ли", "жили-были" — вот оно, бытие вне времени: безначальное и бесконечное.

Наши предки мечтали разомкнуть фольклорное кольцевое время. Они чувствовали, что вечность — это не постоянное хождение по кругу от сева к жатве и вновь к севу. Вечность — это небесное восхождение. Пусть "как бы сквозь тусклое стекло", но языческое сознание наших предков прозревало Христа, предощущало, что спасать надо не бренное тело, не нажитое богатство, а то, в чём таится мечта и вера в справедливость, — душу.

Потому языческий фольклор и христианская в своей основе древнерусская литература не вытеснили, не отменили, а обогатили друг друга, пересеклись в точках мечты о вечной жизни. Легенды и предания войдут в летописи, в кондаках и тропарях порой будет угадываться интонация народной песни, сказка и житие переплетутся — и поведают нам о Петре и Февронии Муромских.

Но древнерусская литература сторонилась слова "мечта", связывая его с языческой ворожбой, помрачением разума, призраком, обманом. И лишь в некоторых диалектах "мечта" была "мыслью", "думой". Древнерусская литература искала слово, которое выразило бы устремление души к горнему, поименовало бы то, что ждёт душу на небесных высотах.

Такое слово пытаются угадать в "Повести временных лет" посланцы князя Владимира, которым открылась красота христианства и присутствие в нём истинного Бога: "и не свѣмы, на небеси ли есмы были, или на землѣ: нѣсть бо на земли такого вида или красоты такоя, недоумѣемь бо сказати. Токмо то вѣмы, яко онъдѣ Богъ съ человѣкы пребываеть". От избытка сердца глаголют их уста, но пока не находят заветного лучистого слова.

Это слово изречёт митрополит Иларион, произнося проповедь о Законе и Благодати: "Истина и Благодать — служители Будущего Века и Жизни Нетленной". Благодать озарит словесность Древней Руси, поселится в каждой летописи, в каждом наставлении, в каждом житии. Владимир Мономах начнёт своё "Поучение" с чтения Псалтири, будет говорить об устроении жизни по Христовым заповедям, по Благодати. Святослав в "Слове о полку Игореве" призовёт к братскому единению, и в том тоже будет стремление к "Будущему Веку". Благодати станет тесно в "Русской Правде", закон не вместит всей полноты Истины, которая ищет не только воздаяния, но и милосердия, не только человеческой, но и Божественной справедливости. По Благодати будет написан "Домострой", где быт, семья, труд станут приуготовлением к "Жизни Нетленной", где жизнь устремится к житию.

Чудо от иконы «Богоматерь Знамение» (Битва новгородцев с суздальцами) (середина XV века)

Жития и летописи — главные охранители Благодати в древнерусской литературе. Летопись — житие народа, житие — летопись святости. Здесь земная история сопрягается с историей небесной, земные события соотносятся с библейскими. Всякое братоубийство — каинов грех. Всякое предательство — иудин грех. Всякое искушение — шёпот змия в Райском саду. Но и любая жертва за веру — Христова Жертва. Святость Александра Невского, Сергия Радонежского, Дмитрия Донского — Христов Свет, утверждение Благодати, грядущей жизни, в которой не будет греха. Эту жизнь приближает слово, рождённое мечтой о чистоте, мечтой о Фаворском свете.

Не отреклась от Фаворского света и следующая эпоха, промыслительно названная Просвещением. Если, согласно расхожему мнению, в эту пору и восторжествовал свет разума, то на русской почве разум был неразрывно связан с душой, духом, как в Рождественском тропаре "возсия мирови свет разума". Познание через науку и творчество не стремилось поставить человека на место Бога — главное открытие Просвещения в России заключалось в том, что у человеческого познания, у человеческих сил есть пределы, что есть грань, за которой факты и законы становятся бессмысленными. За этой гранью живёт Божественная тайна, и главная мечта эпохи — соприкоснуться с тайной, осознать непостижимое и беспредельное: "Открылась бездна, звезд полна; Звездам числа нет, бездне дна".

XVIII век поставил на первое место среди искусств именно литературу, утвердил слово выше скульптуры, живописи, архитектуры. Эти искусства предполагают нечто рукотворное, ремесленное, а слово — вне материи, только оно связано с тем Словом, что "было у Бога" и "было Бог". Эпоха предполагала предельную мобилизацию слова в языке, литературе, образовании, государственном строительстве. Проповеднические воззвания Феофана Прокоповича, грамматика и "теория трёх штилей" Ломоносова — всё стремилось упорядочить словесную стихию.

В такой мечте о гармонии слова рождается ода — "старший жанр" классицизма, взлелеянный архангелами русской литературы: Михаилом Ломоносовым и Гавриилом Державиным. Будут басни и сатиры, драмы и комедии, но одическая интонация станет главной: "Восторг внезапный ум пленил" — этот "первый звук Хотинской оды" станет "первым криком жизни". Звуком, с которого началась мечта о великой Державе "собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов". Этой Державе будут важны не только пушки, могучий флот, Московский университет и Академия наук, но и память о том, что Россия — земля, где построен Новый Иерусалим. Держава станет сферой на ладони Удерживающего. О Державе поэт Державин напишет главную оду эпохи — "Бог", в которой воспоёт не земных царей, не ратные победы, а Того, Кому "числа и меры нет":

Хаоса бытность довременну
Из бездн Ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рожденну,
В Себе Самом Ты основал:
Себя Собою составляя,
Собою из Себя сияя,
Ты Свет, откуда свет истек.
Создавый всё единым словом,
В твореньи простираясь новом,
Ты был, Ты есть, Ты будешь ввек!

Эта ода станет словесной Державной иконой, на которую следующий век наденет золотую ризу.

Золотой век русской поэзии подобен золотому веку, о каком грезит человечество. Веку, где нет вражды и ненависти, нет противоречий, где "разновидное с единством согласилось". Душа поэтов Золотого века предельно обнажена, всё материальное истончилось, душа соприкоснулась с природой, стала самой природой. Каждый порыв души — преображение мира, каждое движение в мире — радость сердца. Любовь подобна рассвету, счастье — радуге.

Кажется, что для изъяснения этого не существует слов, что "лишь молчание понятно говорит". Если поименовать всё зримое, слышимое, осязаемое, всё равно останется нечто невыразимое, когда "наш язык земной" отступает "пред дивною природой". Потому мечта поэтов Золотого века — выразить невыразимое, наполнить земной, светский язык небесными смыслами, найти сочетания слов, которые будут равновелики природе.

Иначе всё неуловимо, всё ускользает, "скрывается от очей" сама мечта. Поэты Золотого века — первые, кто возмечтали о мечте, первые, кто стали искать её следы, ловить её лёгкую поступь. Они облекли мечту в образы античных и славянских богинь, назвали "подругой нежных Муз, посланницей небес". Ведь в мечте — и вдохновение, и творчество. Мечта в одночасье способна сделать малое великим, превратить песчинку в гору, каплю — в океан, мгновение — в столетье. Через мечту Золотой век прозрел небывалый свет, восход "солнца русской поэзии".

Русская словесность грезила Пушкиным. Ждала пришествия гения, который преобразит своим словом всё вокруг: изменит ход истории и судьбы людей, приведёт к гармонии разнородные стихии языка, преодолеет в нём преграды между разговорным и книжным, крестьянским и дворянским, церковным и светским, заимствованным и исконным.

Пушкин — Русская Мечта. Каждая эпоха, каждый творец, каждое произведение, каждое слово отдавали свою силу, свой свет, чтобы однажды воссияло солнце Пушкина. Народные сказки, "Слово о полку Игореве", Державин, Карамзин, Жуковский — во всём и во всех предощущение Пушкина.

Пушкин — вершина русской жизни, с которой мы будем соотносить былое и грядущее. Пушкин — мера всего: гениальности, требовательности к себе, искренности. С Пушкина началось новое летоисчисление русской литературы, новая временная ось: от Пушкина до бесконечности. Поэт будет жить во всех последующих эпохах, никакая власть, никакая идея не отменит Пушкина. Никто не обойдётся без него: ни школьник, впервые открывший "Родную речь", ни влюблённый юноша, ни боец, идущий в атаку, ни учёный, постигший новую тайну мироздания.

А всё потому, что мы мечтаем, как мечтал Пушкин. Каждого из нас томит "духовная жажда", утолимая лишь "божественным глаголом". Над каждым сияет "звезда пленительного счастья", и в её свете и "береги честь смолоду", и "буду век ему верна", и выстрел у Чёрной речки, и "Кончена жизнь!", и "дух смирения, терпения, любви".

Пушкин стал рассеивающей линзой русской словесности, русской мечты. Все, кто пришёл в мир после него, — пушкиноязычны, все понесли в себе свет пушкинского солнца.

Лермонтов — тот, кто в своей гениальности стремится к равновеликости Пушкину, тот, кто предстоит одесную вседержителя русской поэзии. Лермонтов явил противоречивость Русской Мечты, её метания между жаром и холодом, жизнью и смертью, между демоном — "духом изгнания" и прозрением Бога в небесах. Лермонтовская мечта "просит бури" и одновременно ищет "свободы и покоя". Это Мцыри, что, вкусив мёд жизни, умирает, и это горные вершины, что "спят во тьме ночной", когда весь мир успокоенно шепчет: "Подожди немного, отдохнёшь и ты".

Лермонтовская мечта — знойный сон "в долине Дагестана", где спящему снится сон во сне. Спишь — и никак не можешь очнуться. Кажется, вот она — явь, но нет, всего лишь новый сон. Мечта уводит всё дальше, всё глубже — будто там, в самой сердцевине, в распавшемся бутоне сна, она откроется во всей полноте и чистоте, без тяжёлых дум о своём поколении, без "надменных потомков".

И в этой мечте предстанет лермонтовский герой — герой нашего времени. Все увидят в нём не "лишнего человека", не холодного фаталиста, а "тревожную и мятущуюся душу" — страстную, рвущуюся за горизонт, как сама Россия.

Эту русскую душу в образе мчащейся "птицы-тройки" воспел Гоголь. Могучие кони, в чьи гривы вплетены буйные ветры, в какой-то миг становятся невесомы, легки, крылаты, словно сказочная Жар-птица. Куда летит она? К чему устремлена? Услышать на это ответ — гоголевская мечта. Но душа России безмолвствует. А может быть, ответ не слышен сквозь гул мёртвых душ, ставших чужеродными России, Русской Мечте?

Гоголь уповал на то, что души удастся оживить, что во всё помертвелое получится вдохнуть жизнь, что второй и третий тома его поэмы будут не о грехе, не о скупости, мшелоимстве и стяжательстве, а о просветлении. Но промысел был иным. Задуманное не воплотилось не потому, что не хватило силы творческого гения. Рукопись в огонь бросает не отчаявшийся Гоголь, а надеющийся на то, что грех может быть попалён: если сжечь его на страницах поэмы, то и в реальности его можно будет одолеть, и тогда ничто не затмит Русской Мечты.

Гоголь прозрел её Пасхальный свет. То, что не удалось в "Мёртвых душах", он воплотил в "Выбранных местах из переписки с друзьями". В последней главе книги, "Светлое Воскресенье", Гоголь свидетельствует: "Есть много в коренной природе нашей, нами позабытой, близкого закону Христа, — доказательство тому уже то, что без меча пришёл к нам Христос, и приготовленная земля сердец наших призывала сама собой Его слово, что есть уже начала братства Христова в самой нашей славянской природе, и побратанье людей было у нас родней даже и кровного братства".

На Пасхальный свет Русской Мечты каждый будет идти своим путём, каждый обретёт источник этого света. Для С.Т. Аксакова им станет Аленький цветочек из сказки ключницы Пелагеи. Аленький цветочек — последняя надежда мира, который погряз во тьме, опротивел сам себе. Он бежит от самого себя, но пока есть Аленький цветочек, мир можно спасти. Главное, чтобы диво дивное оказалось в руках непорочного человека — может быть, последнего праведника, способного сквозь внешнее уродство разглядеть теплящуюся красоту, способного ради страждущего пожертвовать собой. Аленький цветочек — свеча, которую укрывают от лютых ветров, которая не должна погаснуть. Она освещает дом русского человека, озаряет пруд и ручей, луга и пашни, как в "Детских годах Багрова-внука" и "Семейной хронике". Дом, где живёт свет Аленького цветочка, безграничен во времени и пространстве: молитвами дом соприкасается с небом, сказками и песнями, с корнями родового древа.

Вслед за Аксаковым русская литература в XIX веке мечтает о доме. Герои Тургенева либо тоскуют по отчему крову, либо спешат домой, либо радуются пребыванию в родных стенах. Дворянское гнездо и Бежин луг, патриархальный дом Кирсановых — мечта, взлелеянная писателем. Герой "Записок охотника" в поисках насельников русского дома идёт по губерниям, собирает лица и судьбы, страдания и радости — всё драгоценно для домостроительства.

Некрасовские мужики из поэмы "Кому на Руси жить хорошо" подобны сказочным путникам. Их ведёт за собой мечта, чтобы даровать смысл, открыть то, что, казалось бы, совсем рядом, то, что во всех и в каждом. Их хожение — поиск самих себя: вышли из дома в надежде на счастье, а оно у родного порога запрыгнуло в котомку, проделало вместе со странниками долгий путь и вернуло их домой. Но на этом пути они обрели песню о русской мечте, песню Гриши Добросклонова о матушке-Руси:

Слышал он в груди своей силы необъятные,
Услаждали слух его звуки благодатные,
Звуки лучезарные гимна благородного —
Пел он воплощение счастия народного!..

Песня, явившаяся откровением в ночи, не даёт уснуть, от неё хочется ликовать, её хочется вложить в уста каждому взамен песням о неизбывной печали.

Гончаровский Обломов тоже разлучился с домом, но не ушёл из него, а будто разминулся с ним на новом витке времени: дом остался где-то в благословенном детстве, а течение жизни прибило Илью Ильича к чужой стороне, где всё бессмысленно, всё бесцельно. Но встреча с домом, пусть не наяву, а во сне, однажды случится. Сон Обломова — Русская Мечта об утраченном Рае. Обломовка — это райский сад до грехопадения: "Небо там, кажется, ближе жмётся к земле, но не с тем, чтоб метать сильнее стрелы, а разве только, чтоб обнять её покрепче, с любовью: оно распростёрлось так невысоко над головой, как родительская надёжная кровля, чтоб уберечь, кажется, избранный уголок от всяких невзгод". Здесь нет ни зависти, ни корысти, ни лжи. Смерть не знает пути в Обломовку, время тут никого не подгоняет, а, напротив, шепчет: "Не спеши… Впереди вечность". Городское окружение Обломова — не изгнанники из Рая, они просто не ведали подобного благоденствия, оттого непрестанно чего-то ищут, но никогда не осознают, что именно нужно искать. А в Обломове живёт образ Рая, он последний его носитель, его хранитель. И если, уподобившись остальным, пустишься в бесконечную гонку, то потеряешь эту заветную частицу, это невесомое семечко, из которого когда-нибудь может вновь разрастись русский Рай, расцвести космос Русской Мечты.

Космос — мечта Тютчева. Но тютчевский космизм — иной, нежели ломоносовский или лермонтовский: не открывшаяся бездна и не разговор звезды со звездой. Это слияние античного и христианского Космоса, вселенской гармонии, противостоящей хаосу, и Вседержителя, отделившего свет от тьмы, создавшего небо и землю в первые дни творения. Оттого звёзды — это очи Бога, которые отразятся в водах "последнего катаклизма". Но даже если этот катаклизм будет попущен, он не станет концом света — свет бесконечен — он окажется концом земной истории. А небесная история продлится в тех пространствах, куда мы направляем телескопы и куда однажды устремится человек, преодолев земное притяжение. Мечта поэта о Космосе сродни мечте Чижевского и Циолковского. Тютчев сумеет на мгновение увидеть Землю, окутанную водами Мирового океана, будто посмотрит на неё через иллюминатор космического корабля:

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь — и звучными волнами
Стихия бьёт о берег свой.

Впервые Творец позволит своему творению взглянуть на планету извне, избрав свидетелем тайны мечтателя с просветлённым сердцем.

О таком просветлённом сердце, о "положительно прекрасном человеке" будет грезить Достоевский, станет пробиваться к нему, через бесов и "тварь дрожащую", через Великого инквизитора и "моровую язву". Достоевский возмечтает создать образ человека, в котором сохранилось всё лучшее, который последовал завету Спасителя "будьте как дети". Князь Мышкин, старец Зосима, Алёша Карамазов — во всех упование Достоевского на то, что на земном пути можно встретить святость. Только важно уверовать в неё, как уверовал Алёша после кончины своего духовника: "Полная восторгом душа его жаждала

Галина ИВАНКИНА ЦВЕТ БУДУЩЕГО

Революционная живопись

"…что за конь —
горячей, чем огонь!"
Владимир МАЯКОВСКИЙ.
"Конь-огонь".

"КУПАНИЕ КРАСНОГО КОНЯ" — шедевр, созданный Кузьмой Петровым-Водкиным накануне Первой Мировой войны, казался вызывающим и броским, как и всё, что писалось, говорилось в те годы. "Новое, новое прёт! Наше, новое, жадное, смелое!" — восклицали борзые персонажи "Хождения по мукам" и устремлялись переделывать мир. То была исступлённая эпоха, когда художник ощущал потребность в манифестах и декларациях. Крикнуть: "Нате!" ошарашенной толпе. Вместе с тем, наблюдалось и обратное — плач по былому, по той неуловимой и утраченной гармонии, что растворилась навсегда. Желание освободить живопись, цветность от всего наносного, прислушаться к изначальным ритмам вселенной — ещё одна нервная точка Серебряного века.

Казимир Малевич тогда писал: "Человек-живописец вернулся к чистому действу великого опыта, достигая через свои внутренние природоестественные побуждения новых конструкций мировыявления", а поэт Велимир Хлебников черпал вдохновение из русской праистории и одновременно — из ярого будущего, что вставало над Россией, как солнце — пурпурно-золотое, манящее. Никому не хотелось жить в убогом и сером "нынче", где копошились неверные жёны и провинциальные адвокатишки — все эти герои водевилей, фельетонов и скабрезных рассказиков. Нет! Стать благородным дикарём или же — полыхающим революционером! Что делать? Отказаться от мерзостей городской цивилизации или — сломать всё и воздвигнуть Город Мечты из стекла и бетона. Выкупать красного коня в священных водах и — ринуться в небо! "Когда я в 1912 году нарисовал "Красного коня", то говорили: это предчувствие войны. А когда началась революция, то говорили, что она предугадана мной", — говорил Петров-Водкин в начале 1930-х, подводя некоторые итоги. Потом он уточнил: "Я понял, что это был наш праздник — предрассвет революции…" Цвет будущего — красный.

Кузьма Петров-Водкин родился в семье провинциального сапожника и, по большому счёту, у него было немного шансов достичь высокого положения в обществе. Но Бог распоряжается по-своему и выводит нас к цели. Главное — увидеть перст божий. Учась в городском училище, Кузьма свёл знакомство с местными иконописцами и проводил всё свободное время в их мастерской. Тогда-то и начался путь мастера: подростку захотелось писать лики святых. Однако прошли годы, прежде чем он вплотную подошёл к своей мечте — впереди были срывы и подъёмы, унизительная бедность, трудности, непонимание со стороны родных.

И вот — классы Валентина Серова в Москве и — похвала гения. Следом — Париж, Италия и даже Северная Африка. Везде — колорит и воздух, небеса и — древние камни. Всё требовало осмысления. Искал себя и — свой взгляд. Примерял модные "-измы", кидаясь, будто в омут, в очередной стиль. Нашёл то, что хотел — путь и цвет. "Купание красного коня" Петров-Водкин написал уже будучи не просто зрелым, но уже знаменитым. Он только-только перешагнул возраст Христа и воспринимал мир ещё острее, чем в юности. Картина вызвала споры и восторг. Иные критики пожали плечами: "Таких коней в природе-то не бывает!" На скачках — разумеется. Да только это — говорящий символ, на тот момент не вполне осознанный художником: такие вещи рождаются не из разума, а из ощущения. В медитативном состоянии. Или в экстазе. Что-то носилось в воздухе, и Петров-Водкин уловил жаркое дыхание века. Образ красного коня — это сказка, быль и космическая фантастика в едином начале.

Конь — мифологический архетип. Мистический помощник. Он служит Ивану-Царевичу, говорит человеческим голосом, даёт важные советы. Конь даётся свыше. Более того, он позволяет путешествовать между мирами — персонажи русских сказок попадают на том-самом-коне в запредельные царства, где можно достать молодильные яблоки и другие волшебные снадобья. Или — стоит задача: двинуть туда, где происходит решающая битва с чудищем. Конь — проводник и советчик, а потому "Купание красного коня" — это отдохновение перед прыжком в иномирье, в непознанное Грядущее. На красном коне — въехать в Красную Империю, омыв его водой — живой и мёртвой.

Зачем — красный? Это самый непостоянный цвет — его характер настолько сложен, что с ним не смеет конкурировать даже загадочно-траурный чёрный. Красный цвет — многозначен и причудлив, хотя, казалось бы, чрезвычайно внятен. Он преисполнен сакральными тайнами, и он же — наивно-детский. Это — жизнь и смерть, гнев и любовь. Кровь. Этим цветом окрашена война и бог её — Марс, ибо красный тождествен ярости и агрессии. С другой стороны, это — ликующая новизна, плодородие, Ярило-красно солнышко, лето красное…

Дикарский и, в то же время, — королевский цвет.

В своём "Учении о цвете" Иоганн-Вольфганг Гёте утверждал, что красный — это брутальная энергия и — достоинство. Он "…особенно нравится энергичным, здоровым, грубым людям". Красный — противопоставляет себя всем остальным цветам — он как бы сознаёт себя ведущим, основным, довлеющим. Рождение и смерть — вот крайние точки бытия. Василий Кандинский, любя красное, говорил о нём: "Безгранично тёплое. Живая, подвижная, беспокойная краска. В этом кипении и горении наличествует так называемая мужская зрелость". Мужская зрелость — это воля к власти, энтузиазм, победительная сила, витальность. Активный, горячий цвет. В этом буйстве — серьёзность, а не истерика разрушения: "Красный действует проникновенно, как очень живой, полный воодушевления, беспокойный цвет, не имеющий легкомысленного характера жёлтого, расточаемого направо и налево". По Кандинскому — красный цвет не расплёскивает себя и не замыкается, а дарит свет и жар, который у него в избытке. Даже красная точка заметна в хаосе прочих оттенков и нюансов. Цель — быть на виду. Это — цвет русской цивилизации. Россия прочно ассоциировалась с этим цветом ещё до Октябрьской Революции, часто называемой Красным Октябрём. В разных европейских языках "красный" — это rouge, rojo, rot, red и, наконец, rosso. Россо — росы, русы. "Гром победы раздавайся / Веселися, храбрый Росс!" — возглашал екатерининский поэт Гавриил Державин.

Русское — значит, энергично-красное. В записях о своём пребывании в России аристократ граф де Сегюр, гость и собеседник Екатерины Великой, заметил: "У них (у московитов) слово красный обозначает красоту". Главная площадь Москвы — Красная. Небезызвестный маркиз де Кюстин, путешественник и литератор, побывав в николаевской России, также отметил сие цветовое предпочтение: краснокирпичный Кремль, парадный мундир императора, церемониальные фрейлинские наряды — по большей части ярких цветов с золотым шитьём, а также народные костюмы. Николай I ассоциировался с красным цветом, как и византийские императоры. Творческая сила и неумолимая власть, которая может созидать, а может — безжалостно карать врагов.

Русский язык перенасыщен эпитетами: прекрасный — "сверх красный": что называется, ни в сказке сказать, ни пером описать. Слова "красить" и "краска" имеют общий корень с красным цветом, с видом красоты. Стало быть, расцвечивать мир, делать его свежее и ярче — это, прежде всего, давать ему красный цвет. Место для икон — "красный угол", а в Советском Союзе по какой-то исторической иронии (или вполне закономерно) комната политпросвещения именовалась "красным уголком". Конь Петрова-Водкина — посланник мира красоты: земной и божественной.

Помимо всего, "Купание…" — беспримерная икона. Петров-Водкин вообще использовал в своём творчестве мотивы новгородской иконописи и технику итальянского Ренессанса, прихотливо смешивая их с актуальными направлениями. Красный — важнейший цвет для создателя священных изображений, равно как любимая "тревожная краска" супрематистов и фовистов. Цвет жизни и — неизбежной великой жертвенности. Вода здесь тоже "не как на фотографии", а видом своим напоминает скорее, плащ Богородицы — единение с небесами. В одной из своих статей, впрочем, по иному поводу и совсем не об искусстве, Александр Проханов выразил: "Схватка за русскую историю длится. Купание красного коня продолжается. Божественный наездник, оседлавший этого огненного коня, вонзает